

7. Отзывъ доцента Н. Заозерскаго о сочиненіи *Сергія Верещагина*: „Каноническое достоинство опредѣлений стоглаваго собора“.

„Названное сочиненіе состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ.

„Во введеніи (1—11) указывается значеніе „стоглава“ какъ памятника соборно-законодательной дѣятельности церковной іерархіи „одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ отечественной исторіи“,—отсутствіе въ церковно-исторической литературѣ обстоятельной *историко-канонической* критики этого памятника и обѣщается опытъ таковой въ подлежащемъ изслѣдованіи. Многочисленныя опредѣленія стоглава авторъ сводитъ къ четыремъ группамъ: 1, относящіяся къ богослуженію и обрядамъ,—2, церковному управленію и суду, и 3, общественнымъ правамъ и обычаямъ, и въ этомъ порядкѣ въ трехъ главахъ, слѣдующихъ за введеніемъ, подвергаетъ ихъ своей исторической критикѣ. Критическіе приемы автора просты, правильны и цѣлесообразны. Каждое опредѣленіе собора онъ тщательно старается провѣрить — соотвѣтственно содержащимся въ немъ ссылкамъ — съ каноническими статьями, служащими его основаніями, *въ томъ текстѣ, какой имѣлся подъ руками у отцовъ собора*. Путемъ такихъ сравненій авторъ пришелъ къ убѣжденію, что главнѣйшимъ источникомъ для собора служила такъ наз. сводная кормчая книга. Но такъ какъ авторъ не могъ имѣть ея подъ руками и принужденъ былъ ограничиться только описаніемъ и выдержками изъ нея, даннымъ бар. Розенкампфомъ, то онъ по необходимости долженъ былъ обращаться къ инымъ каноническимъ и литургическимъ источникамъ, или современнымъ стоглаву, или положеннымъ въ основу самой сводной кормчей книги и по нимъ провѣрять опредѣленія стоглава. Таковы, напр., пандекты Никона Черногорца, нѣкоторые рукописные каноническіе сборники, принадлежащіе бібліотекѣ Москов. дух. Академіи и памятники права, изданные археографическою комиссіею, Павловымъ (истор. биб. т. 6) и друг... Въ общемъ работа автора, заключающаяся въ трехъ главахъ его сочиненія удовлетворительна.

„Глава IV-я содержитъ общее сужденіе и оцѣнку каноническаго достоинства и значенія стоглава. Авторъ относится вообще съ похвалою къ дѣятельности отцовъ стоглаваго собора. Въ своихъ опредѣленіяхъ они оставались вѣрными какъ общимъ церковнымъ основоположеніямъ права и вселенскаго законодательства, такъ равно и опредѣленіямъ соборовъ и выдающихся іерарховъ русской церкви, а когда не находили въ этихъ *письменныхъ* источ-

никакъ нужной для себя опоры, обращались къ преданію и обычаю. Въ то же время они были весьма внимательны къ голосу передовыхъ людей своего времени, каковы пр. Максимъ Грекъ и пр. Іосифъ Волоколамскій. Соборъ былъ такимъ образомъ вѣрнымъ и точнымъ выразителемъ церковныхъ воззрѣній своего времени.

„Въ силу этого качества, постановленія стоглаваго собора отличались замѣчательною живучестью въ послѣдующее время: они полагались въ основу позднѣйшихъ „наказовъ“ и дѣйствовали до Большаго Московскаго собора, подвергнуто ихъ своей строгой ревизіи, а статьи стоглава о святительскомъ судѣ пережили даже и этотъ соборъ.

„Въ этихъ сужденіяхъ нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія, но этотъ недостатокъ ослабляется съ одной стороны нескрываемымъ расположеніемъ автора, его любовію къ избранному имъ для своихъ изслѣдованій предмету — памятнику церковной законодательной дѣятельности беспорочно замѣчательному, — а съ другой — легко объясняется тѣми рѣзкими и иногда несправедливыми порицаніями стоглава, какія высказаны нѣкоторыми нашими историками и полемистами противъ раскола. Стараясь ихъ ослабить, авторъ впасть въ увлеченіе и въ своемъ одобрительномъ отзывѣ нѣсколько превзошелъ мѣру объективности и историческаго безпристрастія.

„Вообще сочиненіе признаю заслуживающимъ кандидатской степени“.

8. Отзывъ доцента А. Голубцова о сочиненіи *Алексѣя Волкова*: „Исторія чинопослѣдованія таинства священства“.

„Въ исторіи образованія греко-русскихъ чиновъ хиротоній авторъ находитъ двѣ рѣзко отличающіеся одна отъ другой основныя эпохи. Изъ нихъ первая, считаемая г. Волковымъ „временемъ постепеннаго образованія обрядовой стороны таинства священства“, простирается съ перваго по восьмой вѣкъ — вѣкъ окончательнаго торжества православія надъ ересями, когда церковная іерархія могла свободно заняться расширеніемъ и урегулированіемъ богослуженія; вторая эпоха съ девятаго вѣка продолжается до нынѣ и признается авторомъ временемъ точнаго формулированія восточныхъ чиновъ хиротоній. Въ свою очередь каждая изъ намѣченныхъ эпохъ, по словамъ автора, представляется въ себѣ два періода, а вся исторія разсматриваемаго чинопослѣдованія можетъ быть подраздѣлена на четыре. Первый періодъ, характе-

ризуемый имъ временемъ возникновенія чиновъ поставленія іерархическихъ лицъ и замѣчательнаго состоянія отдѣльныхъ его актовъ, обнимаетъ первые три вѣка; второй — съ четвертаго по восьмое столѣтіе долженъ быть названъ временемъ выработки всѣхъ главныхъ обрядовыхъ подробностей чиновъ хиротоній; третій періодъ — признаваемый г. Волковымъ временемъ упрядоченія и приведенія въ однообразный видъ обрядовъ таинства священства раннѣйшихъ вѣковъ, продолжается съ IX столѣтія по XIV включительно. XV-й и послѣдующіе вѣка въ исторіи даннаго чиновослѣдованія были „періодомъ пріобрѣтенія художественной литургической обстановки обрядовою практикою, выработанною въ предшествующій періодъ.

„Соотвѣтственно такому дѣленію исторіи хиротоній на эпохи и періоды, авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части, изъ которыхъ каждая распадается на двѣ главы. Первой главѣ у него предпослано сравнительно-небольшое введеніе, въ которомъ онъ сначала въ общихъ фразахъ говоритъ о важности избраннаго имъ предмета изслѣдованія, а потомъ болѣе подробно и опредѣленно — о задачѣ, методѣ, планѣ, пособіяхъ и источникахъ своего сочиненія. Поставивши цѣлю шагъ за шагомъ прослѣдить образованіе чиновослѣдованія таинства священства и написать возможно полную исторію его, г. Волковъ во всѣхъ четырехъ главахъ своего труда занимается рѣшеніемъ почти однихъ и тѣхъ же вопросовъ. Сначала онъ подробнѣйшимъ образомъ воспроизводитъ за каждый періодъ ходъ избранія кандидатовъ на іерархическія степени, а затѣмъ уже знакомитъ съ совершеніемъ самыхъ хиротоній — съ мѣстомъ, временемъ, составомъ и порядкомъ или чиномъ посвященій, при чемъ въ послѣднихъ справедливо различаетъ акты предварительные, совершительный и заключительные и каждый изъ нихъ, въ цѣляхъ болѣе отчетливаго представленія дѣла, излагаетъ подъ отдѣльною рубрикой. Своихъ задачъ авторъ не ограничиваетъ воспроизведеніемъ одной исторіи чиновъ хиротоній. Указавши время появленія той или другой подробности въ ритуалѣ, познакомивши съ образомъ исполненія ея, онъ старается опредѣлить причины, вызвавшія къ жизни тотъ или другой обрядъ, и выяснитъ внутренній общечеловѣческой и специально-христіанскій смыслъ, въ немъ заключающійся. — Предметъ, взятый для изслѣдованія г. Волковымъ, весьма обширный и трудный, въ виду недостатка по данному вопросу работъ, которыя въ цѣльномъ, хотя бы и краткомъ, очеркѣ излагали исторію хиротоній и могли бы

служить путеводною нитью для автора. Последнему приходилось обращаться не столько съ пособиями и руководствами, сколько съ сырымъ матеріаломъ, разбѣяннымъ при томъ же по разнымъ иностраннымъ и русскимъ изданіямъ. Отъ него требовалось не только трудолюбивое отношеніе къ дѣлу, но и умѣнье ориентироваться среди массы нерѣдко отрывочныхъ и далеко не всегда опредѣленныхъ указаній на составъ изучаемаго чиновослѣдованія за то или другое время. Г. Волковъ съ полнымъ успѣхомъ поборолъ предстоящія ему трудности и въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ приготовилъ такую работу, которая замѣтно выдѣляется изъ ряда ей подобныхъ своимъ обширнымъ объемомъ (XXXIII+518+141), научною серьезностью и основательностью. Онъ старался по всѣмъ не только первостепеннымъ, но даже второ и третье-степеннымъ вопросамъ говорить на основаніи личнаго изученія источниковъ, не довѣрялъ на слово своимъ предшественникамъ по работѣ и нещадно бичевалъ ученыхъ тамъ, гдѣ видѣлъ со стороны ихъ поверхностное отношеніе къ дѣлу (см. примѣч. 17 и 26 къ послѣдней рубрикѣ первой главы второй части). Работа, повидимому, не обременяла г. Волкова, а напротивъ увлекала его. Увлеченіемъ мы склонны объяснить отчасти тотъ фактъ, что авторъ вдавался по временамъ въ своихъ изысканіяхъ въ подробности, не имѣвшія прямаго отношенія къ задачѣ его сочиненія. Признавая избраніе кандидатовъ на іерархическія степени побочнымъ актомъ по отношенію къ хиротоніи, авторъ однакожь занимался имъ столько же тщательно и подробно, какъ и самымъ посвященіемъ; вопросамъ о порядкѣ избранія у него иногда удѣлено даже больше мѣста, чѣмъ воспроизведенію состава чина хиротоній. Вдаваться въ тонкости избранія—дѣло канониста и въ литургическомъ трудѣ это можетъ быть названо не иначе, какъ ученою роскошью. Нѣкоторыя историко-археологическія справки, наводимыя авторомъ въ объясненіе обрядовъ посвященія, наприм. по вопросу о происхожденіи совершительнаго акта хиротоній—„молитвеннаго возложенія рукъ“, излишне подробны. Давши широкую постановку темъ, г. Волковъ не могъ окончить своего сочиненія (исторія чиновъ хиротоній въ русской церкви доведена имъ до Большаго Московск. собора), совѣмъ не затронувъ такъ называемыхъ хиротесій, съ которыми однакожь успѣлъ въ достаточной мѣрѣ познакомиться, нѣкоторымъ обрядовымъ дѣйствіямъ (наприм., почему рукополагаемый не самъ подходитъ къ престолу и рукополагающему, а его подводятъ...) не далъ никакого объ-

ясненія или далъ такое, съ которымъ трудно помириться (см. стр. 308—309. 412. 478—480 и др.), нѣкоторыхъ матерій (наприм. вопроса о времени совершенія хиротонїи на литургїи — за второй періодъ, о способѣ посвященія во епископа св. Григорїя Чудотворца), о которыхъ надлежало бы трактовать нарочито и въ текстѣ сочиненія, онъ коснулся мимоходомъ въ примѣчанїяхъ. Въ перечисленїи источниковъ и пособїй сочиненія, авторъ не наблюлъ строгаго порядка. Изложеніе сочиненія въ общемъ удовлетворительно, но въ частностяхъ найдутся недостатки—тяжелыя и нескладныя фразы (стрр. 118. 7. 78.), неладныя выраженія (стр. 82. 89. 577.) и даже орфографическія погрѣшности (стрр. VI. 6. 96. 149. 151. 185. 237. 269. 353. 389. 511 и др.), зависѣвшія, быть можетъ, не столько отъ самого автора, сколько отъ переписчиковъ его сочиненія. Отмѣченные недочеты незначительны по сравненію съ достоинствами сочиненія и нимало не мѣшаютъ признать послѣднее солиднымъ ученымъ произведеніемъ, болѣе чѣмъ заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

9. Отзывъ доцента А. Введенскаго о сочиненїи *Ивана Воронцовскаго*: „Телеологія и необходимость“.

„Авторъ достигаетъ примиренія телеологіи съ необходимостью довольно дорогою цѣною: цѣною признанія такъ называемаго спиритуалистическаго монизма: „если,—говоритъ онъ,—мїръ должно мыслить устроеннымъ разумно и если, съ другой стороны, эту разумность нельзя мыслить осуществляющеюся въ неразумной матерїи, то остается только одно—принять спиритуалистическую метафизику, мыслить всю совокупность бытія духомъ или разумомъ“ (VI—VII, ср. стр. 296 и др.). Было бы, впрочемъ, несправедливо ставить г. Воронцовскому эту односторонность въ слишкомъ большую вину, такъ какъ установка такого понятія о веществѣ, которое бы дѣлало его вполне удобопроницаемымъ для цѣлеполагающаго Разума, какъ извѣстно, и доселѣ составляетъ задачу философіи. Съ другой стороны, указанная односторонность, хотя авторъ высказывается за нее иногда довольно категорично, въ сущности не помѣшала ему обсуждать свой вопросъ съ точки зрѣнїя обычнаго представленія о матерїи.—Что касается самаго рѣшенія вопроса, то авторъ приходитъ къ нему путемъ различенія трехъ видовъ необходимости: эмпирической (физической), метафизической и рациональной, съ которою онъ и отождествляетъ телеологическій принципъ. Источникомъ идеи „разумной необходимости“ или, что тоже, телеологической идеи, слу-

жить внутренній опытъ, открывающій этотъ видъ необходимости въ нашихъ собственныхъ внутреннихъ процессахъ. Открывъ въ себѣ, мы переносимъ затѣмъ эту идею и на всю природу. Своеобразное доказательство законности такого перенесенія (стр. 358 и слѣд.) составляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ сочиненіи, дѣлающее большую честь вдумчивости автора. Много оригинальности и остроумія обнаружено такъ-же авторомъ въ сужденіяхъ о дарвинизмѣ (большая часть второй главы). Менѣе значительною въ научномъ отношеніи представляется первая глава, посвященная исторіи вопроса: ея связь съ цѣлымъ довольно шатка и самой ей мы желали бы большаго единства. Въ формальномъ отношеніи сочиненіе удовлетворительно, хотя стиль не вездѣ одинаково ровень. Въ выборѣ примѣровъ и иллюстрацій своей мысли авторъ не всегда разборчивъ: нѣкоторые ссылки его обнаруживаютъ недостатокъ литературнаго тона, что, впрочемъ, отчасти можно отнести и на счетъ тѣхъ авторовъ, которыхъ ему пришлось игнорировать, въ качествѣ противоположныхъ полюсовъ мысли (дарвинистовъ), и которые, какъ извѣстно, не всегда отличаются въ своихъ произведеніяхъ безукоризненною литературною порядочностію. — Въ общемъ сочиненіе производитъ впечатлѣніе труда, выполненнаго добросовѣстно: съ литературой своего предмета авторъ освоился достаточно; въ группировкѣ свѣдѣній обнаружилъ много такту; шелъ къ рѣшенію даннаго вопроса самостоятельно и, хотя многое въ сочиненіи принадлежитъ не ему, однако все взято на свой страхъ и сказано отъ себя на основаніи соображеній, въ большинствѣ случаевъ удовлетворительно мотивированныхъ. — Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе исполнѣ достаточно“.

10. Отзывъ экстраординарнаго профессора Г. Воскресенскаго о сочиненіи *Василія Георгіевскаго*: „Св. Тихонъ Задонскій. Его жизнь и дѣятельность (1724—1783)“.

„Обширное (814 стр.) сочиненіе г. Георгіевскаго состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ изслѣдованія.

„Во введеніи (стр. 1—31), послѣ указанія значенія личности и твореній святителя Тихона въ исторіи русской церковной жизни и просвѣщенія, авторъ останавливается на литературѣ о св. Тихонѣ и опредѣляетъ задачу своего изслѣдованія. Кромѣ извѣстныхъ печатныхъ трудовъ о данномъ предметѣ, авторъ имѣлъ подъ руками выписанныя Совѣтомъ академіи изъ Кіева три рукописи Кіево-Софійскаго собора: а) № 194 „Переписка прот. Е. Бол-

ховитинова и келейника св. Тихона Ив. Ефимова“ (здѣсь же „Записки И. Ефимова“), б) № 181 „Исторія Воронежской семинаріи“ и в) № 175 „Матеріалы для исторіи духовныхъ школъ“. Задачей автора было—въ первой части его труда—раскрыть историческое значеніе жизни и дѣятельности св. Тихона, „установить связь этой дѣятельности со всѣми выдающимися явленіями исторической жизни XVIII в., освѣтить его великія заслуги во всѣхъ сферахъ, во всѣхъ сторонахъ церковнаго и народнаго быта этой эпохи, особенно въ исторіи духовнаго просвѣщенія“ (стр. 27). Вторую задачу автора было историко-литературное разсмотрѣніи твореній св. Тихона. Авторъ поставилъ себѣ задачу „представить не только полный и по возможности обстоятельный библиографическій разборъ твореній св. Тихона, но соответственно главному элементу ихъ содержанія, начертать цѣльную систему его нравственныхъ воззрѣній“ (стр. 29). Впрочемъ, самъ авторъ оговаривается, что по недостатку времени, потраченнаго на біографію св. Тихона, ему не удалось выполнить первоначальнаго плана во всей полнотѣ, и вмѣсто подробнаго изображенія нравственнаго ученія св. Тихона, пришлось ограничиться лишь общою характеристикой его нравоученія. Дѣйствительно, первые три главы изслѣдованія (стр. 32—593) посвящены жизнеописанію св. Тихона, а только одна, послѣдняя глава (стр. 594—814)—его твореніямъ, отъ чего сочиненіе г. Георгіевскаго страдаетъ отсутствіемъ стройности въ частяхъ.

„Въ частности, глава первая (стр. 32—139) имѣетъ своимъ предметомъ воспитаніе св. Тихона въ родной семьѣ и въ школѣ, глава вторая (стр. 140—426) — общественную дѣятельность св. Тихона и глава третья (стр. 426—593) — жизнь св. Тихона въ Задонскомъ монастырѣ. Біографія св. Тихона отличается полнотою и обстоятельностью. Не перечисляя всего содержанія этой части изслѣдованія автора, достаточно указать, что въ первой главѣ — помимо сохранившихся извѣстій объ обстоятельствахъ дѣтства и школьнаго обученія св. Тихона, предлагается картина матеріальнаго положенія русскаго духовенства и состоянія духовнаго просвѣщенія въ XVIII в., указываются недостатки просвѣщенія и причины ихъ—неудовлетворительность средствъ къ содержанію и учебно-воспитательной части, принудительный характеръ обученія, дается характеристика новгородской архіерейской школы, въ которой обучался св. Тихонъ. Въ главѣ второй излагается учебно-воспитательная дѣятельность св. Тихона въ

новгородской и тверской семинаріяхъ; по поводу дѣятельности св. Тихона въ санѣ воронежскаго епископа, изображаются состояніе воронежской семинаріи до св. Тихона и заслуги святителя, при чемъ имѣвшіеся у автора подъ руками рукописные матеріалы предложили ему нѣсколько новыхъ данныхъ по этому вопросу. Впрочемъ, авторъ представляетъ въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ состояніе духовныхъ школъ на Руси въ XVIII в.; при всѣхъ недостаткахъ старыхъ школъ, въ нихъ могутъ быть усмотрѣны и нѣкоторыя свѣтлыя стороны. Въ третьей главѣ раскрывается внутреннее содержаніе духовной жизни св. Тихона въ Задонскомъ монастырѣ (богомысліе, аскетическіе подвиги, писаніе сочиненій, благотворительность). Съ особенною подробностію изложена пастырская и просвѣтительная дѣятельность св. Тихона. Жизнь святителя изложена отъ его рожденія до кончины и погребенія. Для полноты жизнеописанія не лишними были бы свѣдѣнія объ обрѣтеніи мощей и прославленіи святителя.

„Разсмотрѣнію твореній св. Тихона, авторъ предпосылаетъ библиографическія замѣчанія объ ихъ изданіяхъ, историческія свѣдѣтельства ихъ высокаго значенія и общую характеристику. Далѣе предлагается характеристика главныхъ направленій современной св. Тихону литературы — свѣтской и духовной съ опредѣленіемъ отношенія его твореній къ той и другой, указываются положительныя вліянія на характеръ литературной дѣятельности св. Тихона — Св. Писанія, свитооточескихъ твореній, древнерусской церковной письменности и церковнаго богослуженія, а также и субъективный складъ его духовной личности; опредѣляются положительныя достоинства твореній св. Тихона: принципиальность точки зрѣнія, простота и общедоступность. Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній, слѣдуетъ обзоръ твореній святителя 1) систематическаго характера: „Объ истинномъ христіанствѣ“, „Шлеть и духъ“, „Наставленіе христіанское“, „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“, „Объ истинѣ евангельскаго ученія“ и 2) произведеній болѣе краткихъ и отрывочныхъ: проповѣдей, краткихъ нравоучительныхъ словъ, писемъ келейныхъ и посланныхъ, произведеній аскетическаго характера и молитвъ. Въ концѣ сочиненія авторъ бросаетъ заключительный взглядъ на творенія св. Тихона, общій ихъ характеръ и значеніе и дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ о внѣшнихъ качествахъ твореній св. Тихона, ихъ языкѣ и стилѣ.

Таково въ общемъ содержаніе разсматриваемаго сочиненія. Не

удалось автору выполнить предназначенный планъ во всей полнотѣ, именно—начертать и систему нравственнаго ученія св. Тихона, но и помимо сего — авторомъ сдѣлано многое по взятому имъ предмету. Предметъ намѣченъ авторомъ во всей широтѣ и глубинѣ, и понятъ правильно. Литература вопроса и творенія св. Тихона изучены и исчерпаны въ достаточной степени. Сочиненіе автора согрѣто теплымъ религіознымъ чувствомъ. Языкъ сочиненія въ общемъ правильный и чистый. Встрѣчаются иностранныя слова: безъ особеннаго труда они могли бы быть въ большинствѣ случаевъ замѣнены русскими. Для полученія ученой степени кандидата богословія признаю сочиненіе г. Георгіевскаго достаточнымъ“.

11. Отзывъ ординарнаго профессора Н. Субботина о сочиненіи *Василія Грекова*: „Архіепископъ Никифоръ Осотоки, какъ дѣятель противъ раскола“.

„Сочиненіе состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой содержится біографія преосв. Никифора, во второй—изложеніе его сочиненій противъ раскола, въ третьей говорится о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ сочиненій и о характерѣ противораскольнической дѣятельности преосв. Никифора.

„Біографія архіепископа Никифора составлена съ особеннымъ тщаніемъ. Для нея сочинитель старался и успѣлъ собрать нѣкоторыя новыя интересныя свѣдѣнія. Большую важность представляетъ извлеченная имъ изъ одной рукописи Архива министерства Иностранныхъ Дѣлъ, доселѣ остававшаяся неизвѣстною, переписка Никифора съ митрополитами Гавріиломъ и Платономъ и съ княземъ Потемкинымъ по дѣлу объ открытіи Никифоромъ перваго въ Россіи единовѣрческаго прихода. Отысканіе этихъ документовъ составляетъ несомнѣнную заслугу сочинителя, такъ какъ они проливаютъ новый свѣтъ на исторію учрежденія у насъ такъ называемаго Единовѣрія, а одинъ изъ нихъ (именно *Narratio brevis...*) доселѣ имѣетъ значеніе по основательному изложенію основаній, вполне оправдывающихъ учрежденіе и существованіе Единовѣрія. Изложенію по этимъ документамъ открытія преосвященнымъ Никифоромъ первой въ Россіи единовѣрческой церкви и возникшихъ по сему случаю сношеній его съ названными выше лицами отведено въ біографіи весьма значительное мѣсто, а самые документы, на латинскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ, приложены въ концѣ сочиненія.

„Изложеніе противораскольническихъ сочиненій преосв. Ники-

фора сдѣлано въ порядкѣ, а также достоинства ихъ и недостатки указаны правильно. Можно только пожалѣть, что авторъ мало обратилъ вниманія на отношеніе сочиненій Никифора къ прежнимъ полемическимъ сочиненіямъ противъ раскола, и не указалъ ихъ сравнительнаго достоинства. Особенно требовалось это въ отношеніи къ Увѣту, въ которомъ разсматривается тоже раскольническое сочиненіе, что и въ Отвѣтахъ Никифора. Не обращено также должнаго вниманія на ту особенность, какъ преемъ. Никифоръ защищаетъ грековъ противъ обвиненій ихъ Соловецкою челобитною. Вообще же сочиненіе заслуживаетъ полнаго одобренія“.

12. Отзывъ доцента А. Бѣляева о сочиненіи *Михаила Дядькова*: „Взгляды Ричля на богословіе“.

„Сочиненіе Михаила Дядькова содержитъ, кромѣ введенія, два отдѣла.

„Во введеніи на основаніи сочиненій Landerer'a и Pünjer'a излагается краткій очеркъ важнѣйшихъ философско-богословскихъ направленій мысли въ протестантскомъ мірѣ въ текущемъ столѣтіи, съ которыми богословіе Ричля стоитъ въ отношеніяхъ или сродства, или контраста. Къ сожалѣнію, этотъ обзоръ не содержитъ изложенія философіи Лютце, къ которой всего ближе примыкаетъ богословіе Ричля; и этотъ пробѣлъ мало восполняется и не оправдывается тѣмъ, что въ критической части сочиненія въ одномъ мѣстѣ сопоставлены воззрѣнія Лютце на познаніе съ гносеологіей Ричля.

„Изъ двухъ отдѣловъ сочиненія первый, меньшій (37—160 стр.), представляетъ изложеніе началъ и существенныхъ пунктовъ богословія Ричля, а второй, большій (161—390 стр.),—оцѣнку его.

„Источникомъ для изложенія богословія Ричля служила преимущественно система этого богослова, которая озаглавляется: „Die christliche Lehre von der Rechtfertigung und Versöhnung. В. 1—3“ и которую г. Дядьковъ, повидимому, изучилъ основательно; кромѣ того онъ пользовался тремя брошюрами Ричля, разъясняющими и дополняющими его богословскую систему.—При составленіи же критическаго отдѣла пособіями сочинителю были многія брошюры, журнальныя статьи и даже цѣлыя книги частію приверженцевъ Ричля, частію его противниковъ, появившіяся въ послѣднее десятилѣтіе.

„Въ семи главахъ перваго отдѣла г. Дядьковъ изложилъ ученіе Ричля о религіи и богословіи, о сущности христіанства, какъ

религіи, черезъ которую совершается оправданіе человѣка, о царствѣ Божіемъ, о сущности грѣха, о лицѣ и дѣлѣ Христа и о продолжающемся осуществленіи этого дѣла въ церкви или, по терминологіи Ричли, въ царствѣ Божіемъ, — въ религіозно-нравственной дѣятельности членовъ этого царства.

„Въ критическомъ отдѣлѣ сочинитель „указываетъ отношеніе Ричли къ рациональной философіи и разуму, какъ источнику Бого-сознанія (1 гл.), выясняетъ его воззрѣніе на сущность „оцѣнокъ“, какъ источникъ и органъ религіознаго знанія (2—4 гл.) и опредѣляетъ его отношеніе къ христіанской догматикѣ“ (5 гл.). Въ своей критикѣ г. Дядьковъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ двѣ цѣли. Съ одной стороны, онъ усиливается установить степень сходства, или несходства философско-богословскихъ воззрѣній Ричли съ соответственными воззрѣніями Канта, Новокантіанцевъ (Липсіуса, Лянге), Лотце и деистовъ, и приходитъ къ выводу, что Ричли нельзя признать ни кантіанцемъ, ни новокантіанцемъ, ни деистомъ, хотя онъ и не отрицаетъ, что въ богословіи Ричли есть нѣкоторыя черты сходства, то дѣйствительнаго, то кажущагося, съ ученіями этихъ философовъ. Кратко міросозерцаніе Ричли г. Дядьковъ опредѣляетъ, какъ этической пантеизмъ.—Съ другой стороны, г. Дядьковъ старается показать несостоятельность претензіи Ричли построить строго-научное богословіе исключительно на моральномъ и при томъ субъективномъ началѣ „оцѣнокъ“, на субъективной оцѣнкѣ религіи, какъ блага, переживаемаго нашимъ духомъ. Эта попытка составляетъ центръ тяжести всей системы Ричли. Сущность и своеобразная новизна воззрѣнія Ричли на богословіе въ томъ, что онъ признаетъ все доселѣшнее богословіе, безъ различія исповѣданій, не научнымъ, такъ какъ источникомъ и органомъ его, кромѣ сверхъестественнаго Откровенія, были разумъ и разсудокъ, и оно есть чисто теоретическое богословіе; между тѣмъ какъ Бога нельзя познать теоретически, напр. философскія доказательства бытія Божія не доказываютъ бытія личнаго премірнаго Бога: убѣдиться въ бытіи Бога и въ дѣйствительности религіи можно только практически, путемъ переживанія нашимъ духомъ того религіозно-нравственнаго блага, что мы черезъ переживаемыя нами отношенія къ Богу пріобрѣтаемъ господство надъ міромъ, который противоположенъ духу, при чемъ эти отношенія къ Богу и къ міру, какъ наше благо, вполнѣ осуществляютъ не въ индивидуумахъ, а въ обществѣ людей, въ церкви, въ царствѣ Божіемъ. Такъ какъ этотъ взглядъ Ричли на

доселѣшнее богословіе и на его собственное опредѣляетъ сущность, направленіе и содержаніе всей его системы, является источникомъ достоинствъ и недостатковъ ея, вообще есть жизненный нервъ ея, то слѣдовало бы не только опредѣлить и оцѣнить его по существу, что сдѣлано г. Дидьковымъ, но разсмотрѣть и частности. Этотъ взглядъ Ричли заслуживаетъ нарочитаго вниманія изслѣдователя его богословія не только потому, что онъ — краеугольный камень послѣдняго, но и по тому значенію, какое онъ имѣетъ въ настоящее время, будучи знаменемъ нашихъ дней. Система Ричли имѣетъ интересъ для православнаго богослова не столько тѣмъ, что Ричль по таланту и вліянію первостепенный изъ современныхъ протестантскихъ богослововъ, котораго одни изъ нихъ превозносятъ до небесъ, другіе чуть не проклинаятъ: она важна, какъ порожденіе духа нашего времени въ его стремленіи свести религію къ морали, понимаемой какъ альтруизмъ, а догматы—иные совсѣмъ отвергнуть, а всѣ вообще отстранить на задній планъ. Въ области протестантскаго богословія Ричль почти тоже, что графъ Толстой въ своихъ богословскихъ произведеніяхъ въ Россіи; Толстой — это русскій Ричль. Г. Дидькову не удалось уловить эту связь общаго характера богословія Ричли съ направленіемъ нашего времени. Но за то онъ совершенно правильно морализмъ догматики Ричли, его отрицательное отношеніе къ разуму въ дѣлѣ религіи и богословствованія и къ теоретическому богословію и его пренебреженіе къ метафизикѣ призываетъ реакціей противъ философскаго раціонализма въ религіи и односторонняго догматизма въ богословіи, преобладавшихъ доселѣ въ протеставствѣ. Вполнѣ вѣрно также онъ оцѣнилъ то достоинство богословія Ричли, что его чрезвычайно высокая оцѣнка идеи царства Божія, въ которомъ, по мнѣнію Ричли, только и могутъ быть осуществлены истинная религія, спасеніе и счастье каждаго человѣка, представляетъ небывалый въ протестанскомъ богословіи примѣръ оппозиціи противъ господствующаго въ протестантизмѣ индивидуализма.

„Въ изложеніи сочиненія мы замѣтили только одинъ недостатокъ: по мѣстамъ не съ разу можно понять, говоритъ ли авторъ отъ своего лица, или онъ приводитъ чужія мысли. За то языкъ сочиненія можно признать безупречнымъ.

„Сочиненіе, какъ по добросовѣстности изученія матеріала, такъ и по достоинству разработки вопросовъ, можетъ быть названо отличнымъ и заслуживающимъ высшаго балла“.

13. Отзывъ и. д. доцента П. Соколова о сочиненіи *Паала Веротина*: „Психологія Блаженнаго Августина“.

„Г. Европинецъ начинаетъ свой трудъ обычнымъ введеніемъ, въ которомъ дѣлаетъ общую характеристику Августина какъ психолога и излагаетъ цѣли и методъ его психологическихъ изслѣдованій. Это введеніе, написанное главнымъ образомъ по Нуррисону и Ферра, не отличается самостоятельностью, но достаточно исчерпываетъ затронутые въ немъ вопросы. Изложеніе психологіи Августина авторъ дѣлитъ на двѣ части. Первая часть, состоящая изъ четырехъ главъ, излагаетъ рациональную психологію Августина, — его ученіе о происхожденіи и природѣ души, о связи души съ тѣломъ и о безсмертіи. Вторая часть, распадающаяся на шесть главъ, посвящена опытной психологіи и изслѣдуетъ ученіе Августина объ опущеніяхъ, памяти, воображеніи, разсудкѣ и разумѣ, свободѣ воли и страстяхъ. Почему авторъ помѣстилъ главу о свободѣ воли въ отдѣлѣ опытной психологіи, остается непонятнымъ. Ее нужно было отнести къ рациональной психологіи, а на ея мѣсто слѣдовало изложить своеобразное ученіе Августина о любви, какъ волѣ. Этому ученію авторъ посвящаетъ всего лишь нѣсколько строкъ въ главѣ о страстяхъ; между тѣмъ оно составляетъ очень важную особенность психологіи Августина и потому требовало обстоятельнаго изслѣдованія. За исключеніемъ этихъ промаховъ авторъ хорошо ориентировался въ своемъ сложномъ матеріалѣ и изложилъ его ясно, послѣдовательно и систематично. Каждая глава сочиненія представляетъ живой, стройный и интересно написанный очеркъ, схватывающій почти все существенное и не заключающій ничего лишняго. Въ послѣднемъ отношеніи немножко грѣшитъ только упомянутая глава о страстяхъ, въ которой авторъ не сумѣлъ отдѣлать то, что принадлежитъ психологіи Августина, отъ того, что относится къ его этикѣ, и написалъ нѣсколько лишнихъ страницъ. Свое изложеніе авторъ иллюстрируетъ многочисленными и очень удачно подобранными выдержками изъ сочиненій Августина. Правда, эти выдержки обыкновенно подбираются по Нуррисону, Ферра и Гавгауфу; но авторъ почти всегда справляется съ подлинникомъ и болѣе или менѣе тщательно провѣряетъ свои пособія. Я почти не встрѣчалъ случаевъ, чтобы онъ переводилъ латинскую рѣчь Августина прямо съ французскаго. Авторъ видимо увлеченъ Августиномъ и нерѣдко пишетъ въ панегирическомъ тонѣ. Увлеченіе такимъ гениальнымъ писателемъ, какъ Августинъ, слишкомъ естественно и понятно,

но у автора оно иногда переходит свои законныя границы и дѣлается источникомъ маленькихъ недоразумѣній. Подъ вліяніемъ этого увлеченія онъ приписываетъ Августину мысли, которыя были ему чужды, и истолковываетъ нѣкоторые его взгляды въ такомъ духѣ, какъ-будто великій писатель IV—V вв. читалъ Критику чистаго разума и былъ знакомъ съ новѣйшею психологическою литературой. Въ тоже время недостатокъ собственныхъ психологическихъ знаній не позволяетъ автору сопоставить съ данными современной психологіи такія наблюденія Августина, которыя дѣйствительно отчасти совпадаютъ съ ними. Въ заключительной главѣ, авторъ дѣлаетъ оцѣнку психологическихъ взглядовъ Августина и даетъ краткій очеркъ вліянія его психологіи на позднѣйшія эпохи. Эта глава составляетъ самую слабую часть сочиненія: она имѣетъ чисто компилятивный характеръ и не отличается ни полнотой, ни надлежащею связью съ предшествовавшимъ изложеніемъ, ни точностью цитатъ. Оцѣнку психологій Августина авторъ дѣлаетъ очень простымъ способомъ: онъ собираетъ разсѣянные у Ферра и Пурриссона критическія замѣчанія и историческія параллели и выписываетъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ излагаетъ психологію Августина. Этотъ простой и остроумный приѣмъ приводитъ къ слѣдующему результату. Такъ какъ замѣчанія Ферра и Пурриссона не всегда совпадаютъ съ предшествовавшимъ изложеніемъ автора, то въ его критическомъ обзорѣ иногда подчеркиваются такіе взгляды Августина, которые въ изложеніи упомянуты лишь вскользь, и не находятъ себѣ оцѣнки такія подробности, на которыя тамъ обращено преимущественное вниманіе. Самая оцѣнка психологическихъ взглядовъ Августина далеко не всегда правильна: авторъ приписываетъ большое значеніе такимъ взглядамъ Августина, которые его не имѣютъ, и обходитъ молчаніемъ тѣ его воззрѣнія, наблюденія и мысли, которыя не утратили своего значенія до сихъ поръ. Очеркъ вліянія психологіи Августина на позднѣйшія эпохи, написанный по Пурриссону и Калю, слишкомъ поверхностенъ, кратокъ и неполонъ, чтобы имѣть какое нибудь научное значеніе. При томъ авторъ здѣсь часто сбивается съ уровня темы и пишетъ не столько о вліяніи психологіи Августина, сколько объ его общемъ историческомъ значеніи.

„Въ цѣломъ, не смотря на всѣ свои недостатки, сочиненіе г. Европина производитъ очень благопріятное впечатлѣніе и читается съ интересомъ. Было бы желательно, чтобы авторъ, руко-

нодьясь этимъ отзывомъ и тѣми замѣчаніями, которыя я сдѣлалъ въ самомъ сочиненіи, исправилъ свою работу и напечаталъ ее. Въ нашей литературѣ нѣтъ изслѣдованія о психологіи Августина и его трудъ немножко заполнилъ бы этотъ пробѣлъ“.

14. Отзывъ экстраординарнаго профессора протоіерея Д. Касицына о сочиненіи *Петра Исикамэ*: „Четвертое засѣданіе Ватиканскаго собора“.

„Во введеніи къ своему изслѣдованію, авторъ предварительно говоритъ о тѣхъ ухищреніяхъ, какія употреблены іезуитами для провозглашенія догмата о палской непогрѣшимости (1—42 стр.) и потомъ продолжаетъ: „18 июля 1870 года Ватиканскій соборъ, на четвертомъ своемъ засѣданіи, къ изумленію народовъ и правительствъ, торжественно провозгласилъ догматомъ пресловутое ученіе о палской непогрѣшимости. Это то засѣданіе, послѣднее въ хронологическомъ порядкѣ и важнѣйшее по утвержденной имъ католической истинѣ, и составляетъ предметъ нашего изслѣдованія“ (стр. 43).

„Не касаясь внѣшнихъ историческихъ подробностей въ ходѣ этого засѣданія, мы сосредоточимъ свое вниманіе на догматическихъ результатахъ его“.

„Сначала мы изложимъ постановленія этого засѣданія въ ихъ подлинномъ видѣ, параллельно съ переводомъ на русскій языкъ“ (43—44 стр.).

„Согласно съ этимъ на страницахъ 45—75 приводится „*Constitutio dogmatica prima de Ecclesia Christi*“... на латинскомъ и русскомъ языкахъ¹⁾. Затѣмъ на стр. 81 авторъ спрашиваетъ: какимъ же способомъ паписты обосновываютъ и раскрываютъ свою завѣтную мысль? Сущность ихъ доказательствъ авторъ сводитъ къ слѣдующимъ четыремъ положеніямъ:

1) Прежде всего они „выводятъ необходимость въ церкви единой видимой главы“, 2) этою видимою главою, по ихъ мнѣнію, Іисусъ Христосъ поставилъ св. апостола Петра“, 3) „затѣмъ доказываютъ, что это главенство перешло отъ Петра къ его преемникамъ“, 4) что поэтому „авторитетъ римскаго первосвященника есть не только верховный, но и изъятый, въ отношеніи къ предметамъ вѣры и благочестія, отъ заблужденій. Подъ угрозой анаемы всѣ обязываются содержать это странное мнѣніе, какъ несомнѣнный догматъ и какъ богооткровенную истину“ (стр. 81—86).

¹⁾ Переводъ на русскій языкъ сдѣланъ впрочемъ не самимъ авторомъ.

„Эти четыре положенія и подвергаетъ авторъ критическому разбору въ дальнѣйшихъ главахъ своего изслѣдованія (съ 86 стр. по 293).

„Наконецъ въ заключеніе своего изслѣдованія авторъ считаетъ не лишнимъ указать тѣ противорѣчія доктринъ папской непогрѣшимости, какія создаются нѣкоторыми фактами изъ исторіи папства, *фактами*, касающимися какъ собственно жизни папъ, такъ и ихъ дѣятельности въ качествѣ выразителей догматическаго и нравственнаго ученія церкви. Прежде всего ученію о папской непогрѣшимости противорѣчатъ тѣ примѣры вопіющей безнравственной лжи, которыми полна исторія папства и под. (стр. 295—319).

„Предметъ изслѣдованія раскрытъ ясно, но очень много опісокъ см. напр. стр. 1; 6; 10, которые впрочемъ легко объясняются, если примемъ во вниманіе, что авторъ—японецъ.

„Имѣя это въ виду, нахожу возможнымъ признать сочиненіе г. Исикама удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

15. Отзывъ доцента А. Мартынова о сочиненіи *Николая Князева*: „Догматическое ученіе Климента Александрійскаго“.

„Сочиненіе г. Князева состоитъ изъ введенія, трехъ главъ— собственно изслѣдованія и заключенія. Во введеніи сообщаются краткія біографическія и бібліографическія свѣдѣнія о Климентѣ, намѣчаются задачи и методъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Въ главѣ первой съ подробностью излагается гносеологія Климента, — вопросы объ источникахъ богопознанія и о взаимоотношеніи вѣры и знанія. Во второй главѣ раскрывается климентово ученіе о Богѣ Самомъ въ Себѣ и Его общихъ отношеніяхъ къ міру (частіе: а) о Богѣ Единомъ по существу и Троичномъ въ Лицахъ, — б) о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра). Въ главѣ третьей содержится изложеніе климентова ученія о чрезвычайныхъ(?) отношеніяхъ Бога къ человѣку въ Новомъ Завѣтѣ (въ частности: а) о Богѣ-Спасителѣ, б) о Богѣ-Освятителѣ и в) о Богѣ-Мздо-воздаятелѣ). Въ заключеніе дается общая характеристика богословствованія Климента съ формальной стороны.

„Въ предѣлахъ сейчасъ изложеннаго плана сочиненіе г. Князева представляетъ прекрасную историко-догматическую монографію. Авторъ тщательно изучилъ извѣстныя климентовы сочиненія, выбралъ весь, заключающійся въ нихъ, догматическій матеріалъ и привелъ въ стройную, логически связную систему, обративши при этомъ главное вниманіе на раскрытіе тѣхъ пунктовъ климентовой

догматики, въ которыхъ она представляетъ уклоненіе отъ православнаго вѣроученія. Не мало труда и умственнаго напряженія требовалось для того, чтобы собрать по крупницамъ разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ климентовыхъ сочиненій догматическія мысли, уяснить неясное, котораго такъ много у Климента, уладить противорѣчія — мнимыя или дѣйствительныя. Напѣ авторъ выполнилъ это съ большимъ успѣхомъ, и особенно—въ 1-й главѣ изслѣдованія — самой интересной и полной достоинствъ, гдѣ съ замѣчательною обстоятельностью, тонкимъ психологическимъ анализомъ и логическою ясностью раскрыто климентово ученіе объ отношеніи философіи къ Откровенію, знанія къ вѣрѣ, — этотъ главнѣйшій и важнѣйшій пунктъ всего климентова богословствованія.—Самостоятельное изученіе первоисточниковъ и углубленіе во внутренній смыслъ содержащагося въ нихъ ученія дало возможность нашему автору быть достаточно независимымъ въ сужденіяхъ. Немалочисленная западная литература о Климентѣ ему хорошо была знакома, но не поработила его, какъ это часто случается съ русскими писателями; имена иностранныхъ авторовъ очень рѣдко встрѣчаются въ текстѣ положительныхъ изслѣдованій г. Князева, ихъ мѣсто—въ обширной части „примѣчаній“, (составляющихъ у нашего автора особый отдѣлъ, приложенный къ концу сочиненія), гдѣ ихъ мнѣнія выставляются по большей части, какъ предметъ опроверженія. Даже хорошій русскій переводъ климентовыхъ сочиненій (сдѣланный подъ редакціей Н. Корсунскаго и напечатанный въ „Ярослав. Епарх. Вѣд.“), вообще оказавшій большую услугу нашему автору, не вездѣ однако удовлетворилъ его: въ немъ сдѣлано нѣсколько болѣе или менѣе существенныхъ и не безосновательныхъ поправокъ.—Внутреннимъ достоинствамъ сочиненій г. Князева вполне соответствуютъ и внѣшнія. Точный, ясный и живой (лишь по мѣстамъ—нѣсколько вычурный) языкъ, связанное, логическое теченіе мыслей, строгая точность цитациі—дѣлаютъ чтеніе сочиненія очень пріятнымъ.

При всѣхъ, однако, похвальныхъ качествахъ труда г. Князева, отъ него можно бы пожелать большаго. Авторъ слишкомъ изолировался съ своимъ предметомъ: онъ не поставилъ въ связь климентова ученія съ ученіемъ предшествующихъ христіанскихъ богослововъ и не раскрылъ достаточно зависимости Климента отъ языческой философіи. Отъ того историческое мѣсто и значеніе догматики александрійскаго учителя осталось неясненнымъ, а нѣкоторые пункты ея, которые теперь являются совершенно

оригинальными и даже странными, перестали бы казаться таковыми, еслибы указаны были ихъ объясненія въ литературѣ христіанской, или же въ философіи языческой. Но отъ сочиненія, писаннаго сравнительно въ короткій срокъ, нельзя, конечно, требовать такой широкой исторической постановки; ее можно только рекомендовать автору при дальнѣйшей обработкѣ его труда (что было бы весьма желательно въ виду обнаруженной г. Князевымъ способности къ серьезной научной работѣ).

„Какъ кандидатская диссертация, сочиненіе автора и въ настоящемъ своемъ видѣ болѣе, чѣмъ удовлетворительно“.

16. Отзывъ экстраординарнаго профессора I. Татарскаго о сочиненіи ст. *Николая Козлова*.

„Сочиненіе студента Николая Козлова имѣетъ своимъ предметомъ разсмотрѣніе поэмы Мильтона „Потерянный Рай“, какъ памятника протестанскаго религіознаго эпоса. — Послѣ краткаго введенія, заключающаго въ себѣ общія разсужденія о томъ, что предметы христіанской вѣры по своей возвышенности не могутъ быть обняты непосредственно въ образномъ представленіи фантазіей и при поэтической обработкѣ неизбѣжно отражаютъ на себѣ духъ времени и образъ мыслей поэта, — авторъ совершенно правильно раздѣляетъ свое изслѣдованіе на двѣ главныя части: а) на изображеніе поэмы Мильтона какъ литературнаго явленія и б) на изложеніе тѣхъ особенныхъ богословскихъ мнѣній и тенденцій, которыя въ ней заключаются.

„Литературной характеристикѣ „Потеряннаго Райа“ авторъ посвящаетъ двѣ главы. Въ первой изъ нихъ, изобразивъ чрезвычайное возбужденіе въ Англіи интересовъ религіи и политики послѣ реформации, въ особенности необыкновенное развитіе въ ней сектанства, онъ справедливо выставляетъ Мильтона однимъ изъ важнѣйшихъ представителей наступившей при Кромвелѣ религіозно-политической борьбы. Съ этою цѣлію онъ дѣлаетъ общій очеркъ жизни и образованія Мильтона, изображаетъ его замѣчательную полемическую дѣятельность, защищавшую принципы пуританизма и, наконецъ, переходитъ къ обсужденію побужденій его къ избранію и обработкѣ сюжета поэмы „Потерянный Рай“, усматривая ихъ въ личномъ разочарованіи поэта при наступившей реставраціи Стюартовъ. — Во второй главѣ авторъ разсматриваетъ самую поэму. Предпославъ краткое изложеніе ея содержанія, онъ предлагаетъ затѣмъ полную и болѣе или менѣе удачную характеристику дѣйствующихъ въ ней лицъ: Бога Отца, Сына Божія,

Ангеловъ, Адама съ Евою и Сатаны. Свое изображеніе ихъ онъ заключаетъ указаніемъ на общія черты міросозерцанія поэта, пожелавшаго представить здѣсь высокую идею исконной борьбы добра и зла въ мірѣ и въ человѣческой жизни.

„Изложеніемъ богословскихъ тенденцій, отразившихся въ поэмѣ Мильтона, авторъ занимается въ третьей главѣ своего сочиненія. Указавъ съ особенною настойчивостью на его арианство въ догматѣ о Троицѣ, онъ затѣмъ выставляетъ здѣсь и многія другія рационалистическія мнѣнія поэта, какъ-то: его пантеизмъ, признаніе имъ безначальности матеріи, идею о безконечномъ прогрессѣ въ области религіи, мысль о всеобщемъ священствѣ христіанъ и ожесточенныя нападкі противъ іерархіи. Все это авторъ заключаетъ справедливымъ соображеніемъ о томъ, до какихъ нелѣпыхъ крайностей могутъ доходить въ протестантизмѣ и самыя замѣчательныя умы, пользуясь господствующимъ въ немъ началомъ личнаго усмотрѣнія въ дѣлахъ вѣры единственно на основаніи лишь Св. Писанія.

„Вообще, разсматриваемое сочиненіе неизмѣнно обнаруживаетъ въ авторѣ солидное умственное развитіе, всецѣло основывается на тщательномъ изученіи имъ предмета подъ руководствомъ лучшихъ, большею частью, иностранныхъ пособій и, какъ обработанное съ видимымъ стараніемъ въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ, можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ“.

17. Отзывъ ординарнаго профессора В. Ключевского о сочиненіи *Александра Лепорскаго*: „Масонство въ Россіи, его происхожденіе, причины успѣховъ въ царствованіе имп. Екатерины II и отношеніе къ русской Церкви“.

„Задача, которую автору предстояло разрѣшить, состояла въ томъ, чтобы изобразить русское масонство XVIII вѣка съ церковно-исторической точки зрѣнія, какъ эпизодъ изъ религіозно-нравственной исторіи русскаго общества прошлаго столѣтія. Для рѣшенія этой задачи авторъ воспользовался наиболѣе важными изслѣдованіями и изданными матеріалами по исторіи русскаго масонства, а также и нѣкоторыми, относящимися къ этому предмету, рукописями Московскаго Румянцевскаго музея. Начавъ сочиненіе очеркомъ происхожденія и распространенія масонства въ Россіи до конца XVIII вѣка, авторъ выдѣлилъ въ составѣ своей задачи два вопроса, на которыхъ преимущественно и сосредоточилъ свое вниманіе: это—вопросы о причинахъ успѣшнаго распространенія масонства въ русскомъ обществѣ того времени и объ отношеніи

русскихъ масоновъ къ отечественной православной Церкви. Отвѣчая на первый вопросъ съ помощью изученныхъ имъ источниковъ и пособій, авторъ указываетъ причины успѣховъ масонства какъ въ религіозно-нравственномъ состояніи тогдашняго высшаго русскаго общества, такъ и въ особенностяхъ самого масонства, въ его обрядахъ, ученіи, приемахъ пропаганды, въ характерѣ и вліяніи главныхъ русскихъ послѣдователей масонства. Въ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія авторъ высказалъ нѣсколько мѣткихъ частныхъ замѣчаній и обдуманыхъ общихъ соображеній, хотя не всегда достаточно поясняемыхъ конкретными данными. Авторъ придавалъ нѣсколько преувеличенное значеніе видимому сходству масонской морали съ христіанскимъ нравоученіемъ и расположенъ относить на счетъ этой морали имѣвшаго совсѣмъ другой источникъ нравственныхъ качества и стремленія лучшихъ русскихъ приверженцевъ масонства въ прошломъ столѣтіи (наприм. Позикова и Гамалѣи). Вполнѣ самостоятельный отвѣтъ, согласный съ церковно-исторической точкой зрѣнія на предметъ, далъ авторъ на второй вопросъ, обдуманно и осторожно указавъ, въ чемъ русское масонство соприкасалось съ ученіемъ православной Церкви и въ чемъ отступало отъ него. Этому вопросу почти не касаются читанныя авторомъ изслѣдованія о русскомъ масонствѣ. Отмѣченныя качества сочиненія студ. Лепорскаго вмѣстѣ съ яснымъ и легкочитаемымъ изложеніемъ даютъ основаніе признать сочиненіе весьма хорошимъ“.

18. Отзывъ ординарнаго профессора Н. Субботина о сочиненіи *Константина Несмѣлова*: „Никита Пустосвятъ“.

„Сочиненію своему авторъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ содержится „очеркъ умственнаго и нравственнаго состоянія русскаго общества“, современнаго появленію раскола. Очеркъ этотъ не отличается достоинствами, а къ прямой задачѣ сочиненія имѣетъ мало отношенія.

„Сочиненіе дѣлится на двѣ части: въ первой говорится о Никитѣ, какъ раскольническомъ дѣятелѣ, во второй — о Никитѣ, какъ раскольническомъ писателѣ, хотя и писатель есть, конечно, дѣятель (противъ) раскола.

„Первая часть состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой изложена біографія Никиты, доведенная до суда надъ нимъ на соборѣ 1666—7 года. Авторъ успѣшно воспользовался всѣми, какія можно было собрать, свѣдѣніями о жизни Никиты за это время; но за скудостію свѣдѣній входитъ иногда въ разсужденія о предметахъ,

не прямо относящихся къ дѣлу. Такъ напр. по поводу извѣстнаго свидѣтельства м. Игнатія Тобольскаго объ Иосифовскихъ спращикахъ вступаетъ въ полемику съ писателями, неправильно понимающими это свидѣтельство. Авторъ очень основательно возражаетъ этимъ писателямъ, но едва ли эти возраженія у мѣста. Во второй главѣ излагается исторія бунта Никиты Пустосвята,—излагается подробно, даже до излишества, такъ какъ упоминается о многихъ обстоятельствахъ, не касающихся Никиты.

„Во второй части, состоящей также изъ двухъ главъ, идетъ рѣчь о челобитной Никиты,—излагается ея содержаніе и сдѣланъ разборъ ея. И изложеніе и разборъ удовлетворительны; но авторъ опять дозволяетъ себѣ нѣкоторыя уклоненія въ сторону, отъ предмета,—наприм. слишкомъ подробно говорить о Θεодоровомъ Словѣ и о Словѣ Максима Грека.

„Сочиненіе относится къ разряду хорошихъ“.

19. Отзывъ ординарнаго профессора П. Цвѣткова о сочиненіи *Алексыя Нечаева*. „Церковный историкъ Сульпицій Северъ“.

„Сочиненіе г. Нечаева расположено слѣдующимъ образомъ. Сначала излагается біографія Сульпиція Севера; затѣмъ обзрѣваются его сочиненія, въ особенности, съ значительною подробностію излагается ихъ содержаніе; наконецъ, характеризуются эти сочиненія и указывается ихъ значеніе.

„Въ сочиненіи не видно, чтобы авторъ его обстоятельно изучилъ литературу объ одномъ изъ первыхъ церковныхъ историковъ Запада, бывшемъ предметомъ его занятій. Не однажды свидѣтельства древнихъ о Сульпиціи Северѣ приводятся имъ по цитатамъ позднѣйшихъ изслѣдователей, напр. Тиллемона. Сочиненіемъ Бернайса „Über die Chronik des Sulpicins Severns“ авторъ совѣтъмъ не пользовался. Не вполне могутъ быть одобрены и нѣкоторыя частности плана въ сочиненіи г. Нечаева. За содержаніемъ „Хроники“ Севера излагается содержаніе „Жизни св. Мартина“ и „Диалоговъ“ и потомъ уже обзрѣваются источники „Хроники“. Кажется, было бы лучше это обзрѣніе сдѣлать тотчасъ послѣ изложенія содержанія „Хроники“. Опѣнка сочиненій Сульпиція Севера иногда голословна, отчасти основана на хвалебныхъ „Testimonia vetera“, приведенныхъ въ „Патрологіи“ Миня.

„Самыя сочиненія Сульпиція Севера изучены авторомъ добросовѣстно. Часть „Хроники“ онъ даже перевелъ на русскій языкъ и далъ этому переводу мѣсто въ своемъ сочиненіи въ качествѣ

приложенія. Нѣкоторыя стороны въ сочиненіяхъ Сульпиція Севера тонко подмѣчены и отгѣнены“.

20. Отзывъ доцента М. Муретова о сочиненіи *Ивана Николкина*: „Книга Дѣяній св. Апостоловъ (вводныя свѣдѣнія).

„Обширный трудъ автора (691 страница крайне слитнаго письма) состоитъ изъ краткихъ *предварительныхъ замѣчаній* объ отношеніи Дѣписателя къ повѣствуемымъ имъ событіямъ и опредѣляющемся этимъ отношеніемъ характерѣ изслѣдованія, куда приложенъ длинный списокъ книгъ, служившихъ пособиями автору при составленіи имъ своего сочиненія (стр. 1—12);—и изъ *семи главъ* изслѣдованія: *глава первая* посвящена изложенію и обстоятельному разбору, общему и частному, новѣйшихъ теорій (Шлейермахера, Блэека, Целлера, Шмидта, Иакобсена, Сорофа) о мнимыхъ письменныхъ первоисточникахъ, изъ которыхъ будто бы составлена книга Дѣяній (стр. 13—120);—*вторая глава* всесторонне изслѣдуетъ то отношеніе, въ какомъ повѣствованія отъ лица самого писателя въ формѣ „мы“ стоятъ ко всей вообще книгѣ, — и какъ выводъ изъ этого изслѣдованія является положеніе, что кое гдѣ встрѣчающіяся „мы“ во второй половинѣ Дѣяній не даютъ основаній къ заключенію о различіи писателей или составителей обѣихъ половинъ книги (стр. 121—158);—*третья глава* разсматриваетъ языкъ книги Дѣяній по сравненію съ третьимъ каноническимъ Евангеліемъ и въ отношеніи стилистическаго единства во всѣхъ частяхъ книги Дѣяній, откуда авторъ выводитъ заключеніе о единствѣ писателя всей книги,—глава заслуживаетъ особаго вниманія по обстоятельности, тщательности и нѣкоторой самостоятельности изслѣдованія (стр. 159—200); *четвертая глава* со всевозможною основательностью доказываетъ, что писатель книги Дѣяній, какъ и третьяго Евангелія, согласно древне-церковному преданію, былъ сотрудникъ и спутникъ ап. Павла св. Лука, а не Тимошей, Сила или Титъ, какъ то допускается въ разныхъ новѣйшихъ выдумкахъ иностранныхъ (стр. 201—316);—*пятая глава* рассуждаетъ о цѣли и характерѣ книги Дѣяній, гдѣ, вопреки новѣйшимъ предположеніямъ о тенденціозности композиціи книги, авторъ приводитъ неоспоримыя доказательства чисто историческаго характера Дѣяній (стр. 317—427); — *шестая глава* раскрываетъ единство ученія ап. Павла въ книгѣ Дѣяній и въ посланіяхъ апостола (428—609);—*седьмая* и послѣдняя глава написана по поводу новѣйшихъ гипотезъ (Кеймъ, Гольтиманъ) о литературной зависимости Дѣ-

писателя отъ Иосифа Флавія, вопреки которымъ авторъ доказываетъ, что Дѣписатель совершенно самостоятеленъ по отношенію къ іудейскому историку какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ (языкѣ) повѣствованія; — глава по обстоятельности, основательности и самостоятельности изслѣдованія также обращаетъ на себя особое вниманіе (стр. 610—691).

„Изъ наиболѣе достопримѣчательныхъ особенностей сочиненія я долженъ указать, прежде всего, на *полноту изслѣдованія предмета*: уже простой обзоръ содержащаго труда даетъ видѣть, что авторъ не обошелъ ни одной существенно важной стороны вопроса и не остановилъ работу на срединѣ, но изслѣдовалъ какъ весь предметъ въ его цѣлостности, такъ и его отдѣльныя частности, съ одинаковою полнотою и основательностью. Обращаетъ, затѣмъ, вниманіе *обширность и тщательность изученія литературы предмета*: т. е. какъ общихъ введеній къ Новому Завѣту (Шлейермахера, Влсска, Гэрике, Гольцмана, Вейсса, Корнели) такъ и частныхъ изслѣдованій о книгѣ Дѣяній (Майергофа, Шнекенбургера, Бауера, Целлера, Лекембуа, Кёнига, Шмидта, Пфлеодерера, Іакобсена, Сорофа), — кромѣ того — общестолковательныхъ (Златоустъ, Катены Крамера, Сурсус Мина, Мейеръ, Баумгартенъ, Овердекъ) и общесторическихъ трудовъ (Евальдъ, Пеандеръ, Гфрёреръ, Тирмъ, Визелеръ, Гаусратъ, Шюреръ, Кренкель, Бауръ, Ренанъ, Фарраръ, прот. А. В. Горскій), — наконецъ — пособій филологическихъ (Вилькій, Бретшнейдеръ, Винеръ, Шлейсснеръ) и критическо-текстуальныхъ (Тишendorfъ): читая тетрадь г. Николина повсюду замѣчаешь, что авторъ имѣетъ непосредственное и точное знакомство съ цитруемыми имъ книгами. Наконецъ, благодаря такому тщательному и самостоятельному изученію предмета, трудъ г. Николина, въ общемъ стоя по самой необходимости въ зависимости отъ иностранной богословской литературы, нерѣдко поднимается однакожъ до полной научной самостоятельности: какъ въ вышеуказанныхъ второй и послѣдней главахъ, такъ и вообще вездѣ замѣтно, что авторъ пишетъ самостоятельно провѣренное, самостоятельно продуманное и самостоятельно дознанное, вслѣдствіе чего все сочиненіе получаетъ характеръ не только ученой работы, но и самостоятельнаго ученаго изслѣдованія.

„Въ виду указанныхъ особенностей, трудъ г. Николина не только заслуживаетъ полного одобренія, какъ кандидатское разсужденіе, — но и, послѣ неважныхъ стилистическихъ исправленій и нѣкото-

рыхъ дополненій, могъ бы въ своемъ печатномъ видѣ составить не посредственную, даже и не хорошую, а отличную магистерскую диссертацию“.

21. Отзывъ ординарнаго профессора В. Ключевского о сочиненіи *Григорія Орлова*: „Поученія древнерусскихъ церковныхъ пастырей, какъ церковно-историческій источникъ“.

„Чтобы облегчить себѣ обзоръ обширнаго матеріала, относящагося къ темѣ, авторъ распредѣлилъ изслѣдуемые имъ памятники на группы, изъ коихъ къ одной отнесены имъ поученія „отвлеченнаго характера“, къ другой поученія нравственно-назидательныя, 1) обращенныя къ духовенству и 2) обращенныя къ мірянамъ отдѣльно или къ мірянамъ и духовенству вмѣстѣ, наконецъ третью составили посланія каноническія, касающіяся 1) церковнаго управленія и 2) богослуженія. Такое дѣленіе съ его подраздѣленіями авторъ, очевидно, хотѣлъ основать на содержаніи изучаемыхъ пастырскихъ поученій, т. е. на свойствѣ данныхъ, какія можно почерпать изъ этого источника для русской церковной исторіи. Но поученія древне-русскихъ церковныхъ пастырей не вполне поддаются такому дѣленію и во многихъ случаяхъ, если не въ большинствѣ, одно и тоже поученіе относится къ нѣсколькимъ отдѣламъ. Потому своею группировкой авторъ создалъ себѣ рядъ затрудненій: 1) разсматривая поученія по ихъ содержанию, а не въ хронологическомъ порядкѣ, онъ лишилъ себя средствъ прослѣдить историческое развитіе самаго рода литературныхъ произведеній, какой представляютъ древнерусскія пастырскія поученія, что помогло бы автору уяснить характеръ и значеніе ихъ, какъ церковно-историческаго источника; 2) принужденный говорить объ одномъ и томъ же пастырѣ по свойству оставленныхъ имъ поученій въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, авторъ не имѣлъ возможности представить въ своемъ трудѣ цѣльныхъ характеристикъ важнѣйшихъ изъ этихъ пастырей; 3) оцѣнивъ особо значеніе поученій каждой группы для изучающаго древнерусскую церковную исторію, онъ не свелъ отдѣльныхъ выводовъ въ цѣльный окончательный итогъ, не обозначилъ общихъ особенностей всего этого отдѣла древнерусской духовной литературы, какъ церковно-историческаго источника. Указанные недостатки сочиненія, вмѣстѣ съ нѣкоторой невыработанностью изложенія, въ значительной степени покрываются полнотою изученія предмета, обнаруживавшейся какъ въ большомъ количествѣ собранныхъ авторомъ по разнымъ изданіямъ поученій, число которыхъ про-

стирается свыше 150, такъ и въ обстоятельности разбора отдѣльныхъ памятниковъ съ библиографическими о нихъ свѣдѣніями и съ критическимъ указаніемъ признаковъ ихъ происхожденія, подлинности и качества фактическихъ данныхъ, представляемыхъ ими для изученія разныхъ сторонъ практики и быта древне-русской Церкви. Потому сочиненіе студ. Орлова можно признать весьма удовлетворительнымъ“.

22. Отзывъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, о сочиненіи *Николая Патакина*: „Спасительное значеніе страданій по В. З—ту“.

„Необъемистое (23 листа) сочиненіе это представляетъ собою трудъ совершенно самостоятельный, явившійся плодомъ непосредственнаго изученія Библии съ провѣркой сдѣланныхъ изъ него выводовъ по отеческимъ толкованіямъ. Въ богословскихъ курсахъ авторъ не могъ имѣть ничего даже для созданія себѣ плана изслѣдованія, ни для систематическаго построенія искомой идеи. Отсюда само собой понятно, что невозможно было бы требовать хотя бы условнаго совершенства въ исполненіи столь трудной и притомъ самостоятельной синтетической работы. Напротивъ, должно съ удовольствіемъ привѣтствовать и тѣ незатѣйливыя, но и не неудачные выводы и обобщенія, которые удалось сдѣлать автору при помощи внимательнаго перечитыванія Библии и Отцевъ, слабженнаго помощью чуткой наблюдательности надъ движеніями человѣческаго сердца въ священныхъ рѣчахъ и писаніяхъ божественныхъ мужей. Выводы эти заключаются въ нѣсколькихъ, подтвержденныхъ многими библейскими текстами, изреченіяхъ, что страданія имѣютъ по Ветхому Завѣту слѣдующее значеніе. Во первыхъ они пробуждаютъ въ людяхъ сознаніе грѣха и отвращеніе къ нему; во вторыхъ они обращаютъ кающагося къ Богу; въ третьихъ страданіями внушается спасительное смиреніе, производится обновленіе духовной жизни и наконецъ въ четвертыхъ дается вкушеніе радости о промыслительной силѣ наказующаго Господа. Особую главу кромѣ этого авторъ посвящаетъ ученію Библии о страданіяхъ невинныхъ, о страданіяхъ проповѣдниковъ слова Божія; ими по мнѣнію автора испытывалась праведность избранника и жизнь его окончателно приобщалась къ единому Богу. — Нужно сказать, что эта послѣдняя глава, написанная уже второпяхъ, слабѣе первой, если не по подбору изреченій св. Писанія, то по выясненію ихъ смысла. Именно не указана главная цѣль очистительныхъ страданій слугителя Божія, заключающаяся въ томъ,

чтобы совершенно убить въ немъ любовь къ міру и къ себѣ самому (самолюбіе) и черезъ это очистить въ душѣ его мѣсто для безраздѣльной любви къ Господу и дѣлу Его. Въ первой части авторъ очень удачно восстанавливаетъ картину смѣняющихся въ душѣ библейскаго страдальца чувствъ и настроеній, но не говоритъ ничего о переи́бнѣ самыхъ возрѣпій на жизнь и жизненные блага, въ чемъ заключалась главная цѣль смиряющей десницы Всевышняго, по слову пр. Моисея: „Онъ томилъ тебя юлодомъ и питалъ тебя манною, дабы показать тебѣ, что не однимъ хлѣбомъ живетъ человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Господа, живетъ человекъ“ (Втор. 8, 3). Отечественія толкованія авторъ приводитъ иногда такіа, которыя ничего новаго не прибавляютъ къ непосредственно очевидной мысли Библии — въ этомъ заключается также существенный недостатокъ его сочиненія. Но въ общемъ оно производитъ благопріятное впечатлѣніе и заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

23. Отзывъ доцента М. Муретова о сочиненіи *Петра Полянскаго*: „Объясненіе перваго посланія св. Апостола Павла къ Тимошею“.

„Сочиненіе начинается введеніемъ, гдѣ кратко излагаются главные мысли посланія и перечисляются пособія, которыми авторъ пользовался при составленіи своего труда. Самое толкованіе посланія идетъ послѣдовательно по главамъ, стихамъ и словамъ въ такомъ порядкѣ: прिवѣтствіе (I, 1—2), истинное ученіе (I, 3—20), христіанская молитва (II, 1—15), пастыри (III, 1—13) и церковное управление (III, 14—16 и V—VI гл.).

„Глубина проникновенія во внутренно-животворный духъ апостольскаго писанія, широта изученій пособій какъ древнѣйшихъ (Златоустъ, Феодоритъ, Иеронимъ, Феодоръ Москуетскій, Икуменій, Теофилактъ, Зигабинъ), такъ и новѣйшихъ (Корн. а Ляпидъ, Бингамъ, Розенмюллеръ, Флягтъ, Маккъ, Массль, Визингеръ, Мейеръ, Гофманъ, Гольцманъ, Преосв. Теофанъ, Клитидъ, Св. Троицкій), обстоятельность и тонкость нравственно-психологическаго и филологическаго анализа нѣкоторыхъ понятій (χαρίς, ὑπόσις, εὐχή и др.), ясность въ раскрытіи главныхъ мыслей посланія и ихъ логическаго движенія, основательность и православіе сужденій какъ во всемъ вообще толкованіи, такъ и особенно въ раскрытіи пастырско-каноническихъ сторонъ посланія, наконецъ литературная обработанность и отчетливость изложенія: таковы качества работы г. Полянскаго, за которыя она вполне заслу-

живааетъ ученой степени кандидатата богословія, и даже съ похвалою сочинителю“.

24. Отзывъ доцента А. Введенскаго о сочиненіи *Ивана Попова*: „Совѣсть (ея сущность и происхождение)“.

„Сочиненіе г. Попова состоитъ изъ введенія, въ которомъ устанавливается понятіе совѣсти и опредѣляется задача изслѣдованія (стр. 1—91), и двухъ частей — критической (стр. 92—391) и положительной (392—767). Противъ такого плана нельзя, конечно, сдѣлать никакихъ возраженій: при современной постановкѣ этической, какъ и другихъ философскихъ задачъ, положительное раскрытіе предмета необходимо должно быть связываемо съ критикой уже существующихъ взглядовъ на него. Но подраздѣленіе частей возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Авторъ дѣлитъ первую часть такъ: изложеніе эволюціонной теоріи (гл. 1-я), критика ея исходныхъ пунктовъ (гл. 2-я), критика ученія эволюціонистовъ о происхожденіи нравственныхъ *понятій* (3-я), критика ихъ ученія о происхожденіи *формальной* стороны совѣсти (гл. 4-я) и априоризмъ Канта (гл. 5-я). Положенное въ основу раздѣленія 3-й и 4-й главъ различеніе въ нравственномъ сознаніи или совѣсти двухъ сторонъ, матеріальной и формальной, проходитъ чрезъ все сочиненіе автора; но многочисленныя понятія матеріи и формы не только не опредѣлены у него съ достаточною строгостію, но во время изслѣдованія переходитъ каждое въ свою противоположность: во введеніи подъ матеріальною стороною (содержаніе) авторъ разумѣетъ „нравственный законъ или идеаль“, а подъ формальною — „пріятныя или непріятныя нравственныя чувствованія“ (стр. 85), а въ концѣ сочиненія о сознаніи нравственнаго закона, идеала или долга, которое онъ понимаетъ какъ сознаніе требованія (постулата) единства въ дѣятельности, говоритъ уже именно какъ о формальной сторонѣ совѣсти (стр. 710, 766 и др.). Эта шаткость терминологіи поселяетъ у читателя чувство какой то напряженности, возникающей изъ трудности обнять разомъ и сдѣлать прозрачною для мысли общую схему сочиненія. И намъ кажется, что и самъ авторъ, еслибы у него потребовать строгаго отчета, почему какъ въ только что указанныхъ главахъ первой части, такъ и въ соответствующихъ имъ главахъ второй (гл. 3-я: „нравственные идеалы и правила, какъ выраженіе стремленія духа къ единству“ и 4-я: „единство, какъ идеаль; чувство долгаго и проч.), — почему, по какому логическому принципу, онъ распредѣлил здѣсь свои мысли такъ, а не иначе, едвали

былъ бы въ состояніи во всѣхъ случаяхъ дать отчетливый отвѣтъ.— Здѣсь же, говоря о вѣдшихъ недостаткахъ сочиненія, мы отмѣтимъ замѣтную неполноту въ критическомъ обзорѣ теорій со- вѣсти, которому посвящена первая часть: употребивъ 250 стра- ницъ (92—348) на изложеніе и обсужденіе теоріи эволюціи, авторъ лишь сравнительно очень кратко говоритъ о теоріи одного Канта (348—391 стр.). Правда, что,—какъ замѣчаетъ авторъ въ изви- неніе этой „непропорціальности“,—нравственное ученіе Канта раз- биралось и критиковалось уже достаточно (351); правда и то, что собственное рѣшеніе вопроса авторомъ стоитъ въ генетической связи съ теоріею Канта (353): но мы все-таки думаемъ, что, еслибы авторъ подробнѣе и глубже вошелъ въ зерно Кантовой этики и, далѣе, сдѣлалъ хотя бы краткое общее обзорѣе раз- вившихся изъ нея или подъ ея вліяніемъ позднѣйшихъ теорій, то это уберегло бы его отъ той несомнѣнной односторонности, которою страдаетъ теперь его собственное рѣшеніе вопроса.

„Односторонность, о которой мы говоримъ, состоитъ въ основной мысли сочиненія,—въ мысли о томъ, что сущность и корень нрав- ственности есть будто бы *стремленіе къ единству*, которое „дано а priori“ и побуждаетъ человѣка повсюду къ „объединяющей дѣятельности“, но которое „само по себѣ пусто, какъ и всякая а priori данная форма“ (стр. 710). Въ различныхъ мѣстахъ сочи- ненія авторъ характеризуетъ это единство различно. „Это,—гово- ритъ онъ, напр., въ одномъ мѣстѣ,— есть, во 1-хъ, *форма*, въ которую должно отлиться данное инымъ путемъ содержаніе, а во 2-хъ, *идеалъ или задача*, которую ставить собѣ духъ“ (ibid) и „съ точки зрѣнія котораго онъ оцѣниваетъ дѣйствительность и который руководитъ волю въ ея дѣятельности“ (667). Единство,— говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— съ одной стороны является *идеаломъ*, къ которому стремится интеллигенція(?), съ другой — *нормою*, которою она пользуется для оцѣнки бытія“ (764). Не- легко, конечно, соединить эти выраженія въ единствѣ одной опре- дѣленной положительной формы; но кажется мы не ошибаемся, понимая единство какъ именно „пустую форму“. Авторъ обнару- живаетъ много остроумія, чтобы путемъ тонкаго и сложнаго ана- лиза отдѣлать отъ этого основнаго „единства“, въ качествѣ *производныхъ и вторичныхъ* элементовъ, всѣ опредѣленные и пред- метныя движенія нашего духа (симпатія, стыдъ и пр.) и такимъ образомъ доказать, что „съ матеріальной стороны опытъ всецѣло(?) даетъ содержаніе для нравственныхъ понятій“, такъ что безъ

него „стремленіе духа къ единству, какъ и всякая апіорная форма было бы пусто и даже недоступно сознанію“ (767). Но если такъ; если мы правильно истолковываемъ мысль автора; если, по его мнѣнію, базисъ нравственности есть дѣйствительно и не болѣе, какъ „пустое стремленіе къ единству“: то взглядъ автора совершенно одностороненъ, такъ какъ не объясняетъ ни повелѣвающей, ни—особенно — *судящей* функцій совѣсти, которыя самъ авторъ съ похвальною тщательностью установилъ во введеніи въ качества ея существенныхъ признаковъ. Не видать, въ самомъ дѣлѣ, почему человекъ благоговѣетъ и трепещетъ предъ судомъ совѣсти, если совѣсть только и заботится о томъ, чтобы въ дѣятельность человека было внесено начало объединенія. Ссылки въ объясненіе этого факта на боязнь публичнаго позора, которая путемъ тонкихъ процессовъ переходитъ въ стыдъ предъ самимъ собою (686) и др. подобныя носятъ слишкомъ очевидную печать неестественности и натяжки, чтобы имъ можно было придавать значеніе серьезныхъ аргументовъ.

„Причина односторонности заключается, по нашему мнѣнію, въ методѣ автора. Онъ идетъ въ своемъ изслѣдованіи путемъ аналитическимъ. Но есть двѣ формы анализа въ области психологіи и этики. Во первыхъ, анализъ можетъ быть направленъ къ отысканію *общаю*, когда, какъ напр. это дѣлаютъ эволюціонисты, сравнивая христіанина съ язычникомъ, культурнаго человека съ некультурнымъ, человека съ животнымъ, хотятъ въ процессахъ ихъ душевной жизни открытъ элементы общіе и изъ нихъ построить все зданіе этики: этотъ методъ для разработки *высшихъ областей* психологіи и особенно этики не только непригоденъ, но, если ограничиваются имъ однимъ, даже вреденъ, такъ какъ неизбѣжно приводитъ въ концѣ концовъ къ построенію морали на томъ „первобытномъ“ чувствѣ или инстинктѣ общестственности, которое и животныхъ ведетъ къ соединенію въ „постоянныя группы ради коопераціи“. Во вторыхъ, анализъ можетъ быть направленъ къ *индивидуализаціи* и спецификаціи психическихъ явленій, когда, какъ напр. это дѣлаютъ представители франц. спиритуалистической школы (между прочимъ и Поль Жане, къ сожалѣнію меньше, чѣмъ слѣдовало бы, принятый авторомъ за руководство), въ обыденныхъ фактахъ психической жизни человека, нерѣдко закрытыхъ густымъ слоемъ страсти, открываютъ зерно жизни собственно человеческой, свойственной одному человеку, а въ этомъ зернѣ, далѣе, какъ принципъ его жизни, —

зерно жизни Божественной: этотъ методъ единственно и пригоденъ для этики, такъ какъ лишь онъ можетъ привести къ построению морали не для животнаго и не для „средняго человѣка“, а для человѣка идеальнаго, которая поэтому остается всегда выше человѣка эмпирическаго, какъ самодовлѣющій и истинно-прекрасный идеалъ, какъ то сверхъестественное и чудно-таинственное въ насъ, съ чѣмъ по красотѣ и обаянію можетъ равняться, по выраженію Канта, развѣ: лишь красота и обаяніе звѣзднаго неба. Къ сожалѣнію, авторъ, написавшій по этому второму способу свое истиннѣ прекрасное введеніе, затѣмъ покинулъ его, очевидно будучи увлеченъ интересами полемики съ эволюціонистами и кажется не безъ вліянія съ ихъ стороны. Ничто не доказываетъ ясенѣ этой пагубной для сочиненія двойственности метода, какъ два радикально противоположныхъ сужденія о роли въ морали „альтруистическихъ инстинктовъ“, какъ выражается авторъ, т. е. симпатіи и чувства общности: указавъ *во введеніи* съ похвальною пронизательностію, что этими движеніями не исчерпывается сущность морали (стр. 69—73), авторъ мало по малу забываетъ и оставляетъ эту точку зрѣнія на предметъ и въ концѣ сочиненія находитъ возможнымъ сказать, что „въ основѣ всякихъ (!) нравственныхъ отношеній лежитъ идея общества“ (стр. 713). Причина этого, — повторяемъ еще разъ, — заключается именно въ томъ, что по мѣрѣ приближенія къ концу сочиненія, авторъ все болѣе и болѣе уклонялся на тотъ скользкій путь внѣшняго анализа, сравненія культурнаго человѣка съ некультурнымъ и фактовъ изъ области собственно этической съ фактами инаго порядка — съ фактами изъ области интеллектуальной и эстетической, которымъ идутъ эволюціонисты и который естественно не могъ привести автора ни къ чему иному, кромѣ его абстрактнаго, „пустаго“ единства. — Косвенной причиной указываемаго недостатка, по нашему мнѣнію, служило и то, что авторъ ограничилъ свое изслѣдованіе вопросами чисто психологическими (сравнительно-психологическими), — „теоріею и психологіею морали“ (стр. 83) и обошелъ существенно необходимые для его изслѣдованія метафизическіе вопросы: еслибы онъ вступилъ на эту точку зрѣнія, ему несомнѣнно открылись бы иныя перспективы на вопросъ и тогда едва ли бы онъ призналъ достаточнымъ тотъ выводъ, на которомъ остановился теперь.

„Кромѣ только что указаннаго нами, существеннаго недостатка, въ сочиненіи автора есть и другіе недостатки или точнѣе сказать

недосмотры: такъ, напр., его сужденія объ инстинктѣ (стр. 287 и д.) и о роли эстетическаго элемента въ морали (стр. 416) могли быть изложѣны, при существованіи богатой литературы объ этомъ предметѣ, строже; въ своихъ сужденіяхъ о столь важныхъ вопросахъ, какъ напр. вопросъ о дозволительности или недозволительности смертной казни (стр. 278), авторъ могъ бы быть сдержаннѣе; свою вѣру во всемогущество точной науки (стр. 5 и др.) могъ бы, не насилуя фактовъ, умѣрить и ограничить; выходы въ субъективный идеализмъ (стр. 456 и др.) могъ бы для себя закрыть, чтобы удержаться въ согласіи съ основами своего сочиненія и т. д.. Но мы не придаемъ этимъ промахамъ никакого значенія, такъ какъ было бы поистинѣ удивительно, если бы въ такомъ обширномъ, захватывающемъ множество разнообразныхъ и трудныхъ философскихъ вопросовъ, сочиненіи и при томъ сочиненіи начинающаго автора, не оказалось никакихъ промаховъ. Даже болѣе: съ извѣстной точки зрѣнія, нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ могутъ быть признаны достоинствами, какъ свидѣтельство о мысли смѣлой и самостоятельной.

„Что касается нашего *общаго сужденія о сочиненіи*, то, несмотря на его вышеупомянутый недостатокъ, мы должны отозваться о немъ съ большою похвалою. Оно свидѣлствуетъ о счастливомъ соединеніи въ его авторѣ несомнѣннаго философскаго дарованія съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Авторъ обладаетъ обширными свѣдѣніями; мышленіемъ тонкимъ и гибкимъ; смѣлостью, оригинальностью и нерѣдко остроуміемъ въ сужденіяхъ; самостоятеленъ и стоекъ въ своихъ взглядахъ; благороденъ въ полемикѣ и никогда не позволяетъ себѣ умалить или искажать доводы противника; обнаруживаетъ много наблюдательности и привычки углубляться въ себя; пишетъ языкомъ спокойнымъ, чуждымъ полемическаго задора, и яснымъ; мысль автора жива и обильна и обыкновенно иллюстрируется хорошо подобранными сравненіями и примѣрами. Какъ особенное достоинство мы должны отмѣтить большую начитанность автора въ изящной литературѣ: сочиненіе изобилуетъ свидѣлствами изъ поэтовъ и романистовъ, нерѣдко освѣщающими лучше всякихъ разсужденій ту или другую сторону вопроса. Еслибы авторъ, исправивъ свое сочиненіе въ вышеуказанномъ нами смыслѣ и дополнивъ главою, посвященною метафизикѣ морали, издалъ его въ качествѣ магистерской диссертациі, оно несомнѣнно нашло бы читателей даже и въ томъ кругу, который обыкновенно неохотно заглядываетъ въ философскія сочиненія.

Съ своей стороны мы желаемъ и настойчиво совѣтуемъ автору заняться этимъ дѣломъ. Его не должна въ данномъ случаѣ смущать указанная нами выше односторонность его сочиненія: когда онъ отдалится отъ своей работы и сознаетъ свою односторонность, онъ тѣмъ сильнѣе почувствуетъ превосходство точки зрѣнія, на которую вступилъ во введеніи и которую затѣмъ покинулъ, и тѣмъ одушевленнѣе изложитъ свои новые взгляды, элементы которыхъ, впрочемъ, можно иногда находить и въ его настоящемъ сочиненіи. Именно то обстоятельство, что онъ послѣдовательно и до конца прошелъ одностороннимъ путемъ, должно уберечь его отъ увлеченій при переработкѣ: прямолинейные умы обыкновенно ближе къ истинѣ, чѣмъ поверхностные путаники.

„Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе не только вполне достаточно, но заслуживаетъ высшей отмѣтки и особаго поощренія со стороны Совѣта Академіи“.

25. Отзывъ ординарнаго профессора А. Лобедева о сочиненіи *Николая Цопова*: „Императоръ Левъ Мудрый и его царствованіе въ церковно историческомъ отношеніи“.

„Объемистое сочиненіе автора состоитъ изъ введенія, заключающаго въ себѣ обзоръ пособій и источниковъ (I—СХХVIII стр.), описанія царствованія Льва въ церковно-историческомъ отношеніи (двѣнадцать главъ, стр. 1—607) и двухъ приложений (стр. 609—703).

„Задача, принятая на себя авторомъ, разрѣшена вполне удовлетворительно.

„Обзоръ источниковъ и пособій показываесть, что авторъ прочиталъ и изучалъ все, что прямо или косвенно относилось къ его дѣлу, при чемъ его сужденія въ этомъ случаѣ стоятъ на должномъ научномъ уровнѣ.

„Самое царствованіе Льва съ его церковно-исторической стороны описано и написано по плану ясному и стройному. Авторъ сначала дѣлаетъ необходимую характеристику Льва, какъ исторической личности съ извѣстными ея отношеніями къ церкви и государству. Затѣмъ подробно говоритъ о состояніи Византійской церкви при этомъ императорѣ. Главная часть изслѣдованія ведется въ хронологическомъ порядкѣ: изслѣдуя предметъ, авторъ переходитъ отъ времени одного патріарха ко времени другаго. Предъ нами проходятъ послѣдніе года правленія церкви патріархомъ Фотіемъ (при чемъ съ особеннымъ внимніемъ изучается вопросъ о его вторичномъ низверженіи), времени патріарховъ Стефана,